

ГЛАВА 2. СВЯЗЬ С ОДНОЙ ШКОЛОЙ

Лу Сяомань с самого детства знал, что будет учиться в университете F. И в этом не было ничего удивительного: он вырос в жилом городке для сотрудников этого вуза и только в шесть лет вместе с отцом, Лу Цзивэнем, переехал в небольшой приморский городок, где они жили до недавнего времени.

В ту пору оба его родителя преподавали в университете F, и Сяомань ходил в ведомственный детский сад для детей преподавателей. Теперь, когда он изредка предавался мимолетным и смутным воспоминаниям о тех днях, его до сих пор пробирал холодный пот.

В памяти всплывал образ маленького мальчика, который, вечно пуская слюни, обсуждал с воспитательницей вопросы высшей физики. «Квантовая механика», «теория элементарных частиц», «структура ядра и ядерные реакции» — все эти заумные, великие термины вылетали из его крохотного рта вперемешку с младенческой слюной.

Лишь много лет спустя Сяомань осознал, что отец того мальчишки наверняка был физиком, а сын просто нахватался умных слов. Но тогда Сяомань, глядя на ошарашенное лицо расплывшейся в глупой улыбке воспитательницы, испытывал лишь благоговейный трепет и... легкое чувство неполноценности.

Там был ребенок, который знал английский лучше учителя; был тот, кто играл на фисгармонии мелодии, не подвластные воспитателям. Но больше всего запомнился один мальчуган, который был даже ниже Сяоманя. Однажды он принялся водить пальчиком по животу Сяоманя и с видом великого мудреца изрек:

— Вот здесь находится желудок. Если он испортится, ты умрешь от голода. А тут — легкие. Если они откажут, ты задохнешься. А вот здесь — сердце.

Тут он ткнул Сяоманя пальцем в грудь и добавил:

— Папа сказал, что если сюда ударить ножом, ты даже ничего не почувствуешь и сразу помрешь.

Сяомань, переполненный ужасом и почтением, разрыдался.

Его собственные родители преподавали китайскую словесность, и, по идее, он тоже мог бы козырнуть перед сверстниками знанием древней поэзии. Но, видит бог, Сяомань больше всего на свете ненавидел зубрить стихи. Мама часто заставляла его учить их, и он зубрил до слез, но так и не мог запомнить всё до конца. Тогда на помощь приходил отец. Мама принималась отчитывать обоих, а папа Лу в это время тайком показывал сыну язык, подмигивал и строил уморительные рожицы. Он мгновенно утешался и заливался смехом... Эх!

Была там еще одна девочка, которая обожала платица. Они долго дружили и часто играли в дочки-матери, забившись в тихий уголок с конструктором. Он строил из кубиков дом, а девочка обставляла его игрушечными вещами.

По комнате то и дело носились другие мальчишки. Иногда они внезапно разрушали его постройки или пытались ущипнуть его за щеку. В таких случаях Сяомань лишь скалился, демонстрируя врагу свои ровные белые зубки, а потом спокойно возвращался к работе, придумывая новый проект для своего дома.

Воспитатели в этом саду, переполненном гиперактивными гениями, постоянно испытывали необъяснимое гнетущее чувство. Поэтому они быстро заметили эту тихую парочку.

— Сяомань, вы, должно быть, играете в папу и маму? — спросила как-то учительница.

Не успел Лу Сяомань и рта раскрыть, как девочка, не поднимая головы и с абсолютно холодным лицом, ответила:

— Вы ошибаетесь. Мы играем в лучших подружек. К тому же, учительница, по закону брачный возраст наступает в двадцать лет. Нам еще рано.

Учительница окончательно пала духом. Сяомань смутно помнил тот день: светило яркое солнце, воздух был чист, но ему казалось, будто над головой бедной женщины вот-вот повалит густой дым.

В конце концов воспитатели сдались — или, скорее, смирились. Они поняли, что эти дети не нуждаются в их опеке. К тому же у одной из учительниц завязался роман; стоило ей на миг разлучиться с возлюбленным, как время для нее начинало тянуться бесконечно. Поэтому она частенько ускользала со службы, надеясь, что дети ничего не заметят.

Как бы не так! Что это были за дети! Стоило воспитательнице скрыться за дверью, как вся группа гуськом, тихо и организованно, выбиралась наружу.

В такие моменты Лу Сяомань вместе со всеми с восторгом несся к учебным корпусам. На огромном газоне перед факультетом они с визгом носились друг за другом, а если кто-то падал, то просто кувырвался в мягкой траве. Выплеснув энергию, они ложились на спину, считали облака в небе и наслаждались детством — таким, каким оно и должно быть.

Проходящие мимо студенты лишь качали головами и вздыхали:

— Откуда взялись эти беспризорники? Неужели за ними никто не присматривает?

Много лет спустя новоиспеченный студент Лу Сяомань и его отец, бывший профессор университета F, Лу Цзивэнь, стояли перед тем самым газоном, который за годы почти не изменился.

— Надо же, — улыбнулся сопровождавший их старшекурсник, — многие, кто впервые видит такое огромное поле, прямо-таки теряются от неожиданности.

— Я так хочу... так хочу по нему поваляться! — выдохнул Лу Сяомань, явно погрузившись в свои воспоминания.

Лу Цзивэнь, судя по всему, счел желание сына вполне разумным и с важным видом кивнул.

В сопровождении того самого студента, чье лицо к тому моменту приобрело весьма озадаченное выражение, отец и сын, то и дело охая от нахлынувших чувств, дотащили багаж до общежития. Попрощавшись с провожатым, Лу Цзивэнь задрал голову, разглядывая здание. Неплохо — выглядит куда презентабельнее, чем в его студенческие годы.

Лу Сяомань потянул отца за рукав, глядя на него своими влажными, полными заботы глазами:

— Папа, ты устал? Старшекурсник сказал, что я живу в Общежитии 222.

Лу Цзивэнь вытер пот со лба, а затем ласково смахнул капельки испарины с лица сына и бодро улыбнулся:

— Нисколько. Номер отличный, Сяомань. Звучит легко и, кажется, на удачу.

— Угу! — Сяомань решительно кивнул, и они вошли в здание.

Из-за того, что они сели не на тот поезд, отец и сын прибыли позже намеченного. Войдя в Общежитие 222, они обнаружили, что остальные трое жильцов уже застелили кровати и вовсю травят байки. Увидев вошедших, парни замолкли. Спустя мгновение один из них осторожно спросил:

— Простите... а кто из вас... поступает учиться?

Перед ними стояли двое. Один — статный, с утонченными манерами и аурой интеллигента. Возраст его определить было сложно, но на первокурсника он явно не тянул. Второй — белокожий, с яркой мимикой и очаровательной ямочкой на щеке; он во все глаза разглядывал соседей, часто хлопая ресницами. Его возраст угадывался сразу, и это тоже сбивало с толку...

— Сяомань, — Лу Цзивэнь с улыбкой потрепал сына по волосам, — чего застыл? Поздоровайся.

— О! — Лу Сяомань мгновенно расплылся в широкой улыбке, демонстрируя все восемь зубов.
— Привет, старшие братья! Меня зовут Лу Сяомань, мне четырнадцать лет. Я из города А, хотя корни мои здесь, в городе F. Я поступил на рекламный факультет! Как говаривал Будда: «Чтобы плыть в одной лодке, нужно сто лет, а чтобы спать в одной комнате — тысяча!» Я впервые живу в общежитии, так что давайте ладить и ценить эту редкую судьбу!

Закончив речь, он замер, выжидательно глядя на троицу.

— Четырнадцать лет?!

— Будда говаривал?!

— Судьба?!

Парни выдохнули это хором, после чего в комнате воцарилась гробовая тишина.

— Ха-ха, ну да, Сяомань проучился в школе всего год, остальное время я обучал его дома, — поспешил объяснить Лу Цзивэнь. — Он младше остальных, но мальчик он очень послушный. Пожалуйста, присмотрите за ним.

С этими словами он начал выставлять на стол гостинцы. В воздухе тут же поплыл густой, соленый запах моря — папа Лу привез креветочную пасту, сушеных креветок и прочие деликатесы из города А.

— Это наши местные деликатесы, угощайтесь, не стесняйтесь!

— Хорошо, спасибо... — Студенты, хотя их мозг еще пребывал в легком оцепенении, поддались радушию отца и понемногу пришли в себя.

Лу Сяомань, заметив свою пустую кровать, тут же распаковал вещи и проворно взобрался наверх, принимаясь за уборку.

Лу Цзивэнь тем временем продолжал расхваливать сына перед соседями. Суть его длинной речи сводилась к одному: ребенок еще мал, так что живите дружно, будьте ему как братья, оберегайте его и, ради всего святого, оградите от всякого дурного влияния и контента, не предназначенного для детских ушей...

В конце концов Лао Да, старший из студентов, не выдержал, хлопнул себя по бедрам и пробасил:

— Дядя Лу, не извольте беспокоиться! Чистота души Лу Сяоманя теперь на нашей совести! Гарантируем: каким вы его нам сдали, таким через четыре года и заберете!

Остальные двое согласно закивали. Глядя на хрупкую фигуру, суетящуюся на верхней полке, они почувствовали, как в них просыпается ответственность. Они и не подозревали, скольких трудов и жертв им будет стоить это опрометчивое обещание в ближайшие годы.

Лу Цзивэнь чуть не прослезился от благодарности. Он торжественно извлек три красных конверта. Парни замахали руками:

— Ну что вы, не надо! Деньги — это лишнее, мы же от души...

Лу Цзивэнь, не слушая их, неторопливо достал из конвертов три нефритовых подвески на красных шнурках.

— Мужчины носят Гуаньинь, женщины — Будду, — невозмутимо проговорил он. — Вот, держите по одной. Пусть бодхисаттва хранит вас и напоминает, что нужно заботиться о моем Сяомане. Не забывайте об этом, ведь Гуаньинь всё видит...

Только когда украшения оказались на шеях опешивших студентов, он облегченно улыбнулся.

В первую же ночь нового семестра в Общежитии 222 завязался традиционный разговор перед сном.

— Сяомань, ну ты и монстр! В таком возрасте — и уже в университете, — с завистью протянул Лао Да. Эх, молодость — это всё-таки капитал.

— Точно. Наверное, у вас в городе все газеты про тебя писали?

— Вовсе нет, — Сяомань перевернулся на бок. Он всегда тяжело привыкал к новому месту, а тут еще и верхняя полка — его не покидало ощущение, что во сне он непременно свалится вниз. — Папа сказал: «Будешь как юный гений Чжунъюн — растратишь талант и станешь заурядностью». Нужно вести себя скромно. Интервью денег не приносят, так чего на них время тратить?

В комнате ненадолго замолчали. Затем подал голос Лао Сань:

— Сяомань, твой отец, кажется, отлично знает наш университет.

— Еще бы! Он ведь раньше был здесь профессором. Целым профессором! — В голосе Сяоманя зазвучала гордость.

— Ого! А почему он уехал в город А? Перевелся в тамошний университет?

— Э-э, нет, — Сяомань в темноте почесал затылок; он и сам до конца не понимал выбора отца.

— Он работает в начальной школе №101.

Спустя время три «старших брата» наконец осознали, насколько трудно оберегать первозданную чистоту Лу Сяоманя от порчи окружающего мира. Он оказался тем еще «почемучкой»: стоило ему услышать незнакомое слово или сомнительную шутку, как он тут же принимался допытываться до самой сути. Парням приходилось напрягать всю фантазию, чтобы давать этим «перлам» максимально скучные и невинные объяснения. В итоге все, кто знал эту компанию, были убеждены: в Общежитии 222 живет кристально чистый юноша и три невероятно лицемерных мужика...

Однажды Лао Эр не выдержал. Он сорвал с шеи нефрит, засунул его под подушку и решил, что пора наконец открыть «паиньке» глаза на истинную сущность жизни и общества. Но не успел он начать лекцию, как Лу Сяомань с предельно серьезным видом поднес подвеску прямо к его лицу.

— Второй брат, — проникновенно начал он, — есть поверье: к вещам, прошедшим обряд освящения, нельзя относиться небрежно. Иначе это будет неуважением к Будде, и высшие силы узнают об этом. Ты понимаешь?

Лао Эр ошарашенно смотрел на Сяоманя, чей взгляд был строгим и одновременно полным сострадания.

— Seriously... да?

Сяомань кивнул и медленно надел шнурок обратно на шею соседа.

— Да. Папа говорит: «Перед ликом Будды не лги, за спиной его — не предавай». Ведь в этом мире всегда есть глаза, которые следят за тобой. Даже там, где ты их не видишь. Что бы ты ни делал, это...

Голос его звучал чисто и слегка призрачно. На лице, лишенном тени порока, застыло выражение, в котором читалась то ли печаль, то ли радость. Он смотрел прямо в душу Лао Эру...

— Всё, хватит! Хватит! — Лао Эр схватился за голову и взвыл. — Я... я ничего такого не имел в виду! Просто... просто красный шнурок под одежду не подходил! Я... я сейчас переоденусь!